

публицистических выступлениях, где он нередко полемизировал с ними (см. [17, 18, 19]¹).

Как бы то ни было, необходимо подчеркнуть главное — концепции евразийства рождались в кругу злободневных споров и идей своего времени и опирались на давнюю культурную традицию. А обращенность их к будущему России, вера в ее грядущее возрождение делает их актуальными и злободневными и сегодня.

Основной вопрос, решаемый евразийством, — Россия и Европа — был по сути вопросом о национально-государственном самоопределении России в мировом сообществе народов. Евразийство возродило национально-государственную концепцию Н. М. Карамзина о России как единстве западного и восточного мира, что давало ей преимущества перед другими государствами, хотя и было чревато многими драматическими противоречиями [22].

Дальнейшие судьбы России будут зависеть от того, насколько она сумеет угадать свое историческое предназначение, данное ей в руки уже тем жизненным пространством, которое она волею судеб занимает. «Необходимо вернуться к себе и начать строить храмину русской культуры сообразно с теми данными, которыми обладаем промыслом Божиим» [23]. Залогом самобытного развития России, способствующего укреплению ее духовной и экономической мощи, могла стать, по мнению Карамзина, только национально-государственная идея, цементирующая Россию в единый национально-государственный организм. Отсюда карамзинская концепция синтеза Востока и Запада как условия независимого и самостоятельного развития России и, следовательно, укрепления ее национальной и государственной мощи. Эта идея стала зерном будущей евразийской доктрины.

Между тем евразийцев постоянно обвиняют в стремлении к реазиатизации России (в особенности здесь характерна позиция «Нового журнала»), в симпатиях к государственности типа восточной деспотии. Замалчивается при этом, что евразийству принадлежит заслуга всестороннего анализа природы деспотии, достигшей своего логического завершения в тоталитарных государственных структурах. Это касается не только фашизма, но и большевизма, который воспринимался многими русскими умами как перенос западных социалистических идей на русскую почву. Н. С. Трубецкой, в частности, писал, что, защищая и поддерживая европейские коммунистические партии, большевистские правители втягивают Россию в ненужные ей конфликты [24].

Величайшим бедствием для России было, по мнению евразийцев, неумение понять и осознать именно свой самобытный путь. В этом смысле само название работ Н. С. Трубецкого «К проблеме русского самосознания» [25], Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» [26] отражало главный, историософский пафос евразийского учения. Оно не было учением готовых ответов, оно ставило вопросы и будоражило мысль, призывая их решать.

Будущее государственное устройство России — стержневая линия евразийской программы. Вся модель этого устройства исходит из осознания неделимости России — Евразии, из осознания геополитического, государственного и общенационального единства России. Революция, разрушившая территориальную целостность Российской империи, была, по их мнению, конечным следствием раскола нации, названной петровскими реформами. Эту идею евразийцев разделял и Н. А. Бердяев, полемизировавший с ними по другим вопросам. Г. В. Флоровский писал в 1921 г., что русская революция была судом над послепетровской Россией [27]. Ни одному из завоевателей, писал П. П. Сувчинский [28], не удалось до такой степени разрушить основы национальной культуры и сформировавшийся веками уклад жизни, как это сделал Петр. Революция потому и смогла одержать победу, что немалую роль в поддержке массами большевиков сыграло их стрем-

¹ Аналогичный подход к интересующей нас проблеме обозначился и на Западе (см., например, известные книги Шпенглера [20] и Тойнби [21]). Эта перекличка давала повод к поверхностным суждениям о западном происхождении теории евразийства.